

ХВАЛА ЖИЗНИ!

Прошло немного более года после того, как землетрясение превратило прекрасную Мессину в груды камней. Была весна, море было спокойное и синее, и небо - тоже; солнце заливало померанцевые сады на холмах и, глядя с парохода на серый труп города, я не мог себе представить той страшной ночи, когда земля в грозном гневе стряхнула с себя величественный город с такой лёгкостью, как пёс стряхивает воду, вылезши из речки.

Вступив на землю, я ожидал найти тишину и холод большого кладбища и был поражен, когда увидел осла с полными корзинами на спине, который осторожно переступал через камни размытой мостовой, держась в тени от разрушенных стен прибрежных домов.

За ним бежал парень и с сицилийским жаром кричал:

- Cipolla! Cipolla! (Лук! Лук!)

Кому он кричал? Кому хотел продать? Не тем ли камням, что раньше были спаяны в сплошную стену, а теперь снова начали жить отдельной жизнью?

Однако подходили люди. Неожиданно из улиц, из безлюдной груды камней, выплывали черные фигуры и бесшумно ступали по горячей земле Группами и поодиночке. Шли какие-то дамы в длинных черных вуалях, с мертвыми застывшими лицами, угрюмые рабочие, и их суровый вид словно завершал костюмы, черные вплоть до самых галстуков из крепа. Тонкий, железный столб фонаря неестественно наклонялся над ними, словно, приглядываясь сверху стеклянными глазами. С одной стороны мягко плескалось море, с другой - висели треснувшие стены дворцов, без окон и крыш, с дверьми, до половины заваленными щебнем. И снова двигались черные мужчины, и тихие, точно монахини, женщины шли как провожающие на похоронах отдать кому-то последний долг. Чем дальше я продвигался, тем чаще встречал этих людей в трауре, тем яснее чувствовал, как меня охватывает какое-то беспокойство. Я должен был обходить целые горы битого кирпича, балок, извести и камней, наваленных тут же среди улиц, перепрыгивать расщелины в земле, похожие на жадно раскрытые рты, перелезть через мраморные колонны и заглядывать в окна, откуда смотрело на меня опустевшее жилище. И снова из-за угла тихо выплывала черная фигура и встречалась со мной молчаливым взглядом. Тогда я наконец понял, что меня беспокоит. Глаза! Эти страшные, черные, испуганные глаза, запечатлевшие весь ад рождественской ночи¹, больше уже ничего не могут видеть. Может светить солнце, быть лазурным море и небо, смеяться радость, а эти глаза; в больших орбитах, расширенные и мертво

¹ Мессина разрушена на рождество.

блестящие, все будут глядеть в глубь себя и, как безумные, всматриваться в расшатанные стены, в огонь и трупы самых близких. Мне казалось, если бы сфотографировать их, на пластинке вышли бы нечеловеческие глаза, а картина разрушения.

Боковые улицы уже немного расчищены. Зато с обеих сторон рухнувшие стены фасадов образовали толстый слой спрессованных балок, матрацев, книг, извести, железных кроватей и человеческих тел. Там, где стены еще стояли, они едва держались, и сквозь широкие трещины виднелось синее небо. Иногда в выбитых дверях видны были одинокие ступени, ведущие неведомо куда, ступени, на которые уже никто не ступит. Где-то высоко под небом в пятиэтажном доме завалилась только передняя стена и середина дома стояла открытая, точно на сцене. Веселенькие обои, железная кровать, через спинку которой свисает полотенце, фотография на стене, образ Мадонны в изголовье постели. И эта интимность чужого жилья, где еще как будто сохранилось тепло человеческой руки, производила на меня более сильное впечатление, чем совсем мертвые серые руины.

Я знал, что это город-кладбище, что из-под развалин его еще не откопано около сорока тысяч трупов, что в этой окружающей меня спрессованной массе лежат в разных позах раздавленные дети, женщины и мужчины.

Шли раскопки. Группа рабочих то наклонялась, то выпрямлялась над грудой щебня, и мерно поднимались кирки и ломы. Где-то высоко на стене, согнувшись, сидел полицейский в пелерине, и его кепи блестело на солнце. Внезапно он встал, приложил руку к кепи и почтительно застыл. Я подошел. Рабочие вытащили из-под балок женскую рубашку, потом вынули ноги и положили в медный таз. За ногами шло туловище, живот и грудь - и все складывалось в медный таз. Я отошел. Мне захотелось взглянуть на небо, но тут я вдруг увидел повсюду среди развалин, выше ниже, такие же группы рабочих. И ежеминутно полицейский вставал и прикладывал руку к кепи.

На площади перед собором было так тесно, что негде было повернуться. Вся она была завалена старым мрамором церкви, обломками пилястров, орнаментами амбразур. Мозаичные боги без голов с половинками лиц валялись тут же, в пыли под ногами. Старинный фонтан пострадал мало, но с той ночи он высох, словно выплакал слезы над чужим горем. Сухие рты тритонов умирали от жажды.

- Синьор осматривает наши руины?

Я оглянулся. Околооо меня стоял какой-то черный господин с бледным лицом, видимо, еще недавно полный. Желтые мешки под глазами и на щеках свисали так же свободно и ненужно, как и его одежда, широкая, потертая, словно чужая. В левой руке он стыдливо сжимал пучок лука. Я встретился с его глазами. Ах, опять эти глаза!

- Да, да, *signore*, вот что осталось от нашего прекрасного города. Кто не видел - представить себе не может той адской ночи. Такая была пальба, такая канонада, словно все силы небесные, зеленые и морские палили сразу из своих пушек. У меня и поныне шум в ушах...

Я был богатым и счастливым, *signore*, у меня была жена, четверо детей и банкирская контора. Теперь семья и все богатство лежит под обломками, а я вот чем принужден питаться!..

И аффектированным движением истинного сицилийца он поднял руку и потряс луком так, что зелень его пересекла серые руины и зазеленела на лазурном небе.

- Мои дома стояли недалеко отсюда. Может, синьор желает осмотреть?

Вокруг его рта легла горькая складка. Я поблагодарил и пошел дальше.

В узких улочках, как в коридоре, было безлюдно и уныло. Справа и слева тянулись бесконечные спрессованные массы дерева, кирпича, бумаги, одежды, ламп, мебели и человеческих тел. Казалось, все несчастья, которые ютились в этих людских закоулках, набросали баррикады, чтобы не допустить помощи. Над головой ошетинились разрушенные стены, готовые вот-вот упасть. Внизу, в тени развалин, сидела женщина в трауре, с черными непокрытыми волосами, а на коленях у нее играл ребенок. Ее печальное лицо и погасшие глаза заставили мою руку полезть в кошелек, но на мое движение женщина не ответила ответным движением. Она лишь покачала отрицательно головой. Тогда я понял, - это одна из тех, которые привыкли подавать, но еще не научились принимать.

Изредка проходил какой-нибудь рабочий, заложив руки в карманы, сосредоточив в лице с тонкими губами презрение к этой земле, которая не умела уважать человеческий труд... Сквозь выбитые стекла смотрело на меня пустое жилище, забытые гардины в паутине, висячая лампа на треснувшем потолке. Я продвигался дальше.

Сейчас мое внимание занимала как бы застывшая фигура старика, которая одинаково чернела высоко на развалинах домов. Я видел согнутую спину, старый помятый цилиндр и руки, сложенные на коленях. Только кончик белой бороды светлел из-под цилиндра на черной груди, плотно застегнутой на все пуговицы. И когда я так приглядывался к этому неподвижному пятну печали и отчаяния, под ногами у меня вдруг глухо заворчала и качнулась земля, словно спина коровы, которая хочет подняться. Землетрясение! Я понял сразу. Я стоял, оцепенев, и смотрел, как сдвинулись стены, будто живые, как они зашатались над головой; и пока я ждал, что вот-вот они упадут на меня, вся моя жизнь в одно мгновение пронеслась перед глазами, и - странная вещь, я нё спускал глаз с унылой фигуры старика. Через минуту земля

затихла, стены опять отвердели, сбросив с себя только камушки, а согбенный старик не поднял даже головы: так же склонялся цилиндр, скрывая бороду до половины, горбилась спина, и руки неподвижно лежали на черных коленях.

Не помню, как я очутился на улице S. Martino. Здесь были люди, была какая-то жизнь. Они уже успели поставить тесные деревянные лавки, словно коробки из-под макарон, и торговали фотографиями для «форестьеров»², хлебом и фруктами. Порой неприятное впечатление производила витрина, где новый черный бархат был покрыт часами, брошками, шпильками и кольцами. Все это было потертое и старое, со следами рук хозяев, теперь уже мертвых, и этот потускневший металл скрывал в себе немало историй.

В одном месте собралась толпа, преимущественно женщин. Они облепили повозку, как черный пчелиный рой. Какой-то представительный господин, стоя на повозке, возвышался над ними. Я издали видел его белую манишку, фрак и рыжие баки на лице министра. Он что-то говорил толпе. Вздымал руки к небу, простирал их к людям, его голос гудел убеждением и вдохновением. Я решил, что это проповедник, который говорит о тленности всего живого перед жестоким лицом природы, пред неумолимостью смерти. И я подошел к толпе.

Но как же я был поражен, когда увидел, что весь передок повозки уставлен красивыми баночками с золотыми этикетками, а важный господин простирал над толпой к небу эти самые блестящие баночки.

- Синьоры и синьориты! – выкрикивал он из глубины груди, от самого сердца, - синьоры и синьориты! Вы видите здесь одно из настоящих чудес современной косметики. Эта помада - самое верное средство сохранить молодость и красоту. Легким слоем вы покрываете ею лицо на ночь и утром встаете свежими, как роза от росы... Каждая баночка - четыре сольдо...

Он совал их в руки женщинам, брал новую баночку и поднимал ее над головой толпы в блеске полуденного солнца.

- Синьоры и синьориты! Молодость и красота - только четыре сольдо!³

А чёрные женщины в траурном крепе теснились вокруг повозки, и эти страшные, мертвенно блестящие глаза, которые не вмещались в орбитах, вобрали в себя расшатанные стены, огонь, трупы самых близких и могли бы дать фотографию катастрофы, следили жадно за каждым движением рыжеволосого шарлатана и ловили ухом, еще полным грома адской ночи и криков смерти, его вдохновенную речь:

- Синьоры и синьориты!.. Вы видите одно из настоящих чудес... Только четыре сольдо за молодость и красоту...

² Так называются в Италии иностранцы.

³ Сольдо – мелкая монета около двух копеек.

Я перевел взгляд в долину Где-то вдали, с грохотом и тучами пыли, валили наиболее опасные стены домов, то тут, то там среди серого щебня и руин вставал полицейский и прикладывал руку к кепи, отдавая честь мертвому. Но это меня уже не поражало. Я вдруг увидел далекие зелёные горы, залитые радостным солнцем, померанцевые сады, бесконечный шелковый простор голубого моря, и душа моя пропела над этим кладбищем хвалу жизни...

3 мая 1912 г.
Чернигов.

Перевод с украинского Г.Шипова.